

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ
И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1 9 3 9

ПОВЕСТЬ ОБ АНТОШЕ ЧЕХОНТЕ

В. Нагель

В журнале «Красная новь» за 1938 год (№ 12) напечатана небольшая повесть А. Роскина «Антоша Чехонте». Повесть эта является первой попыткой — и попыткой в общем, несомненно, удачной — воскресить и запечатлеть как основной персонаж художественного произведения образ юноши Чехова.

Биографическая повесть А. Роскина как бы идет навстречу пожеланию самого А. П. Чехова, высказанному им в одном из своих писем:

«...Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая».

Повесть А. Роскина посвящена как раз тому начальному периоду жизни Чехова, о котором он говорит в этом письме с большой внутренней взволнованностью, с редкой искренностью.

Чехов — одна из основных тем Роскина, если не самая основная, и поэтому, задумав изобразить Чехова в художественном произведении, он приступил к выполнению своего замысла, вооруженный всем тем, что накопила «Чеховиана» за много лет. А накопила она не мало, в том числе, конечно, и материалов мемуарного характера, и воспоминаний, относящихся к его детству и юности, хотя этот период, пожалуй, освещен более скупой, чем периоды последующие.

Все эти материалы, можно не сомневаться, отлично изучены Роскиным. В этом легко убедиться, если заглянуть в «кухню творчества» автора.

В. Г. Тан-Богораз — земляк и соученик Антона Павловича — в своих воспоминаниях о нем («На родине Чехова»), опубликованных в «Современном мире» за 1910 год, так характеризует учителя греческого языка Таганрогской гимназии Зикоса: «...То был афинский грек, плохо говоривший по-русски. Он брал взятки с учеников и с экстернов, открыто, с блеском и в оптовых размерах. Брал и не находил в этом ничего худого: — Худо, зачем худо?.. Тебе хорошо, мне хорошо...»

У Роскина (стр. 129) так описан этот учитель:

«Зико, преподаватель древнегреческого языка, брал с гимназистов взятки за хорошие отметки.

— Худо, зачем худо? — бормотал он. — Первое дело — хремата.

Ученики Зико хорошо знали, что хремата по-гречески значит деньги».

В письме к И. Л. Щеглову от 9 марта 1889 года Чехов писал: «...Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками».

В повести Роскина (стр. 126) мы читаем:

«Все в церкви смотрели на маленьких Чеховых с умилением и завидовали Павлу Егорычу, что у него такие хорошие дети». «Но дети... чувствовали себя маленькими каторжниками».

Примеры можно было бы умножить, но и без этого ясно, что в основе повести лежит фактический материал, использованный с большим чувством меры.

Чехов пережил тяжелое детство. Впоследствии, обращаясь к воспоминаниям о начальной поре своей жизни,

он с горечью писал В. А. Тихонову-Луговому:

«Спасибо за ласковое слово и теплое участие. Меня маленького так мало ласкали, что я теперь, будучи взрослым, принимаю ласки, как нечто непривычное, еще мало пережитое...»

А. Роскин без особого нажима, без излишнего злоупотребления черной краской, сумел сдержанно, в чеховской манере, но запоминающе и правдиво рассказать о детских годах Антоши, о гнете отца в семье, о бесконечных церковных бдениях мальчика, о певческих его мучениях, о сидении в качестве подручного в отцовской «бакалее», о времени учения в греческой школе, о которой сам Чехов, уже в зрелом возрасте, с горечью говорил: «Не люблю я вспоминать о ней. Много испортила она моих детских радостей...»

Перед читателем на 37 журнальных страницах, в 13 коротеньких главах, проходит описание сурового семейного уклада Чеховых, гимназическое житье-бытье, возникают фигуры школьных товарищей Антона Павловича, рассказывается о первой, робкой, может быть, даже неосознанной влюбленности мальчика, о немногих детских радостях, о посещениях катка, поезде к деду, об одинокой жизни в городе, опустевшей после отъезда родных, и, наконец, об окончании гимназии, переезде в Москву, о студенческих годах и первых несмелых литературных шагах в московской мелкой прессе.

То, что сделано Роскиным в его повести, — сделано хорошо, но хотелось бы большего разворота полотна, на котором изображена картина формирования человека, выдавливающего из себя по каплям раба».

Отличным, свежим языком написана повесть. Приведем образцы.

«Понемногу набиралась публика — приказчики с нового базара, барышни в оливковых и красных кофточках, молодые конторщики с выражением обиды на лицах».

«Кофейного цвета голубь медленно рассек разогретый воздух и, сев на крышу, лениво застонал о счастье. Рядом в конюшне лошади осторожно

поскребывали копытами о бревенчатый пол».

Иногда попадают досадные «психологические» ляпсусы. Режет ухо такое, например, место в повести (стр. 140), в котором автор допускает явную натяжку, приписывая мальчику Чехову мысли и ощущения, которые проявились только в последний год его жизни в посмертной пьесе «Вишневый сад».

«Имение Ольги Михайловны находилось под Миргородом. Чехов легко представлял себе места, знакомые ему по любимым гоголевским повестям. Он готов был вместе с Ольгой Михайловной грустить о вишневом саде, который, вероятно, уже погиб под чужим топором». (Подчеркнуто нами. — В. Н.)

Скупость и сдержанность, которые проявляет А. Роскин в своей повести, составляя характерную положительную особенность его манеры письма, иногда обращаются против него. Это случается тогда, когда скупость чрезмерна, а сдержанность тормозит развитие действия. Благодаря этому много и основных и боковых линий в биографии Чехова остаются лишь намеченными, а не развернутыми.

В противоположность фигуре отца, которая выписана в повести неторопливо и поэтому выглядит законченной, фигура матери, наоборот, только слегка очерчена и получилась поэтому эскизной. Она выглядит в повести второстепенным, эпизодическим лицом. Между тем Чехов, как мы знаем по ряду свидетельств, любил мать нежной и трогательной любовью, и она в детстве была его заступницей и другом.

Когда в мальчике зародилась страсть к театру, он посещал его тайком от отца и гимназического начальства. Часто его сопровождала мать.

Обо всем этом ни словом в повести не упоминается. Упущены также колоритные детали переодевания Антона Павловича для посещения спектаклей. В штатском платье, с накладной бородой и приклеенными усами он был неузнаваем.

Слабо и описание гимназических учителей Чехова, а они, как об этом свидетельствует П. П. Филевский в своей книге «Очерки из прошлого Таганрогской гимназии», были, как на подбор, сплошными «человеками в футлярах» (инспектор, А. Ф. Дьяконов, послужил для Чехова прообразом его «Человека в футляре»).

Особенную досаду в повести Роскина вызывает почти полное игнорирование важнейшего момента, наиболее существенного для понимания Чехова, как писателя. Когда и при каких обстоятельствах зародилось в мальчике тяготение к перу и бумаге? Какие темы особенно привлекали его? Что именно было написано им в годы гимназического периода?

Обо всем этом в повести Роскина говорится только вскользь. Описывая любительские спектакли в доме товарища Антоши по гимназии Дросса, автор пишет: «...ставились и пьесы, сочиненные Чеховым. То были сценки и обозрения таганрогской жизни, в которых зрители часто узнавали самих себя. Пьесы эти записывались в особые тетради. После спектакля Чехов их уничтожал» (стр. 141).

В другом месте, при описании посещений Чехова городской читальни, Роскин пишет: «Из читальни Чехов уходил со страстным желанием издавать собственный юмористический журнал. Ведь он уже много сочинял. В жаркие летние дни, лежа в саду под своей смоковницей, он придумывал сказку в стихах про какого-то Савраску... Автор юмористической лекции о сотворении мира был он сам. В гимназическом журнале «Досуг» он поместил два рассказа и едкое четверостишие на инспектора Дьяконова» (стр. 147).

Перечисляет еще Роскин пьесы, написанные Чеховым-гимназистом: водевили «О чем курица пела» и «Нашла коса на камень» и драму «Безотцовщина». Вот и все. Немного!

Зато хорошо, хотя тоже далеко не подробно, рассказано о первых попытках Чехова начать работать «в литературе»: описывается его беготня по редакциям юмористических журнальчиков, писание фельетонов, мелких

рассказиков и постепенное пресыщение ролью «поставщика юмористического материала».

Глубоко ошибочным является распространенный среди некоторой части наших критиков и читателей взгляд на кажущуюся легкость писания романов и повестей так называемого биографического жанра.

Казалось бы, в самом деле, что здесь трудного? Наметил героя будущего произведения, выяснил, где искать соотвествующие материалы, ознакомился с ними, отобрал все, что пригодится для работы, сопоставил и выверил эти материалы, устранил из них противоречия, систематизировал и сел за работу. Нужно только добросовестно изучить материал, полюбить и «осмыслить» своего героя, «вгрызться» в тему и, в меру талантливости, «с огоньком» все это живописать.

Если герой художественного произведения вдобавок еще писатель — тем лучше. Это облегчает задачу, так как изображение пейзажей и диалогов по ходу повествования можно не сочинять, а осторожно заимствовать из его книг. Это как бы создает единство стилевых приемов обоих писателей — и того, о котором написана повесть или роман, и того, кто является автором биографического произведения.

Надо ли доказывать, как поверхностно и пошло такое обывательское представление о весьма сложном, искусстве биографического романа, повести или даже рассказа.

Сложным это искусство является прежде всего потому, что биографическое произведение почти всегда одновременно является и историческим. Писатель, берущийся за историческое полотно, в центре которого стоит какой-либо известный деятель, должен отличаться умением искусно заполнять те неизбежные интервалы в повествовании, которые, по законам художественного мастерства, отделяют один вырванный из контекста эпохи исторический факт или документ от другого. Интервалы эти заполняются фоном отошедшей эпохи, мотивировкой поступков героя, воссозданием жизненных мизансцен в описании от-

дельных эпизодов, изображением подчас сложных ситуаций, которых, может быть, и не было, но которые могли бы быть, и, наконец, тем, чего не найдешь ни в каких мемуарах и воспоминаниях, — мы говорим о процессе становления человека, о лепке его образа, о тех отметинах, индивидуальных особенностях, только ему присущих, которые сделали его единственным и неповторимым.

Виктор Шкловский в статье о романе Ю. Тынянова «Пушкин» («Литературный критик» № 8, стр. 129, 1937 г.) пишет: «Ольга Форш, писатель очень талантливый, как-то рассказывала мне, что в романе о Гоголе она пользовалась промежутками в документации, вставляя предполагаемый биографический факт там, где не был известен реальный биографический факт».

Это свидетельство В. Шкловского

весьма ценно. Оно обнажает метод художественной работы над биографическим жанром. В то же время оно как бы является еще одним аргументом в цепи возражений против той мнимой «простоты», о которой мы говорили выше.

Повесть А. Роскина лишена, к сожалению, той творческой интуиции, которая так помогает в биографическом жанре. Он не пожелал угадывать, а предпочел замалчивать там, где, повидимому, не мог опереться на документальные данные. Об этом можно только пожалеть, так как благодаря этому из повести выпал ряд существеннейших моментов, весьма важных при трактовке образа Чехова — мальчика, подростка и юноши.

Повесть еще, видимо, не закончена. Будем ждать продолжения и издания ее для юного читателя.